

RU

Записанное пространство: семиотическое значение городов
в романе «Чагин» Е. Водолазкина

Ван Чуньхуэй

Аннотация. Цель исследования – на основе семиотической теории Ю. М. Лотмана выявить механизмы влияния городской символики на формирование исторической памяти, государственной власти и индивидуальной идентичности в романе Евгения Водолазкина «Чагин». Научная новизна работы состоит в том, что впервые системно раскрыты символические функции городского пространства в произведении Водолазкина в свете культурных трансформаций советского и постсоветского периодов. Особое внимание уделено семантическому противопоставлению централизованных городов (Санкт-Петербург, Москва, Лондон) и периферийных пространств (Иркутск, Ялта, Тотьма), что позволяет рассматривать их не только как фон художественных событий, но и как значимый фактор, определяющий судьбы героев. В результате исследования доказано, что пространственная символика городов в романе «Чагин», продолжая традиции русской литературы, переосмысляет роль города, превращая его в активный элемент социокультурной и историко-психологической динамики, способный формировать и контролировать память и идентичность личности. Данное исследование расширяет рамки изучения «городского текста» и предлагает новый взгляд на пространственное письмо постсоветской литературы.

EN

Inscribed space: the semiotic significance of cities
in Evgeny Vodolazkin's novel "Chagin"

Chunhui Wang

Abstract. The aim of this research is to identify, based on Yuri Lotman's semiotic theory, the mechanisms of influence of urban symbolism on the formation of historical memory, state power, and individual identity in Evgeny Vodolazkin's novel "Chagin". The scientific originality of the work lies in the fact that the symbolic functions of urban space in Vodolazkin's work are systematically revealed for the first time in light of the cultural transformations of the Soviet and post-Soviet periods. Particular attention is paid to the semantic opposition of centralized cities (St. Petersburg, Moscow, London) and peripheral spaces (Irkutsk, Yalta, Totma), which allows us to consider them not only as the background for artistic events, but also as a significant factor determining the fates of the characters. As a result of the research, it is proven that the spatial symbolism of cities in the novel "Chagin", continuing the traditions of Russian literature, reinterprets the role of the city, turning it into an active element of socio-cultural and historical-psychological dynamics, capable of forming and controlling the memory and identity of the individual. This study expands the scope of the study of "urban text" and offers a new perspective on the spatial writing of post-Soviet literature.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрождением интереса к проблемам городского пространства как ключевого элемента культурной памяти, идентичности и государственной идеологии в современном литературоведении. В последние годы появляется все больше исследований по городской символике и семиотике. А. В. Соловьев (2023, с. 406) анализирует город как текст, выделяя хронологический, пространственный и идеологический планы, каждый из которых связан с архитектурным, литературным и художественным «языками» городской среды. Н. В. Бараханова (2021, с. 7) осмысливает категорию «городского текста» в русской литературе, систематизируя ее семиотические характеристики и прослеживая их эволюцию. Эти свежие публикации позволяют проследить эволюцию подходов к изучению городского текста и подтверждают важность и новизну рассматриваемого вопроса. Русская литература с XIX века сформировала яркую традицию

«городского текста», в которой города выступают не только лишь как географический фон, но и как сложные символические системы. В условиях глобализации и постсоветских трансформаций анализ семиотического значения городов приобретает особую актуальность для понимания культурных и исторических процессов. Роман «Чагин» Евгения Водолазкина, удостоенный российской литературной премии «Большая книга» в 2023 году, является выдающимся примером произведения, в котором пространственная символика становится инструментом формирования исторической памяти и индивидуальной идентичности.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, провести семиотический анализ символического значения центральных (Санкт-Петербург, Москва, Лондон) и периферийных (Иркутск, Ялта, Тотьма) городов в романе «Чагин»; во-вторых, определить, каким образом городское пространство участвует в конструировании государственной памяти и влияет на формирование личности; в-третьих, сопоставить культурные и идеологические функции городов в советский и постсоветский периоды.

Ключевые методы исследования включали: семиотический анализ для выявления многоуровневой семантики городского пространства; компаративный анализ, позволяющий сопоставить образы централизованных (Санкт-Петербург, Москва, Лондон) и периферийных (Иркутск, Ялта, Тотьма) городов в контексте традиции «городского текста»; текстовый анализ лексико-стилистических средств и композиционной структуры романа, через которые раскрывается влияние городского пространства на власть, память и индивидуальное сознание.

В качестве материала исследования были привлечены следующие источники:

- Водолазкин Е. Г. Брисбен. М.: АСТ, 2019;
- Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ, 2012;
- Водолазкин Е. Г. Чагин. М.: АСТ, 2022;
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. XI.

Теоретической базой исследования является теория Ю. М. Лотмана (1996) о семиотике городского пространства, согласно которой символическое бытие города предшествует его материальному существованию, что позволяет рассматривать город как динамичный носитель смыслов. Дополнительно использованы исследования других ученых, посвященные роли городского пространства в социально-исторических преобразованиях советского и постсоветского периодов, что обосновывает значимость города в конструировании государственной памяти и индивидуальной идентичности (Топоров, 1984;巴赫金 [Бахтин], 2009; 亨利·列斐伏尔 [Лефевр], 2015).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке специализированных курсов и семинаров по теории литературы, семиотике и культурологии в вузах гуманитарного направления. Полученные данные способствуют углубленному пониманию механизмов формирования культурных текстов и исторической памяти, а также расширяют представление о взаимосвязи литературного пространства и социальной идентичности в условиях постсоветской трансформации.

Обсуждение и результаты

Русская литература с XIX века сформировала ярко выраженную традицию «городского текста», особенно в контексте пространственного письма, ориентированного на Санкт-Петербург и Москву, что привело к созданию уникальной культурной символической системы. Санкт-Петербург, изображенный А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским и другими мастерами как «созданный город», не только несет в себе метафоры русской культурной идентичности и духовного кризиса, но и становится символической реальностью, выходящей за пределы материального существования. Москва, в свою очередь, с ее «центричным» городским типом (Лотман, 1996, с. 276) символизирует государственную власть и является центром ортодоксальной исторической повествовательной традиции. В современную эпоху городская проза русской литературы постепенно преодолевает бинарные противопоставления, обращая внимание на разнообразие пространственных символов, многослойность памяти и текучесть индивидуальной идентичности. В этом контексте роман Евгения Водолазкина «Чагин» (2022), который стал лауреатом высшей награды русской литературы 2023 года – Большой книги, с высокой степенью пространственного осознания переосмысляет роль города в формировании истории и индивидуальной судьбы. «Чагин» не только продолжает традицию петербургского текста, но и интегрирует в повествование несколько городов, включая Москву, Лондон, Иркутск, Ялту, Тотьму. Главный герой романа, обладая исключительной способностью к памяти, перемещается по различным городам, каждый из которых несет определенные культурные метафоры и символическое значение, формируя многослойный и переплетенный текстовый мир.

1. Санкт-Петербург: культурный символ и хранитель памяти

«Петербургский текст» является ярким культурным феноменом в русской литературе, который не только символизирует реальный Санкт-Петербург, но и представляет собой литературно сконструированное и постоянно реконструируемое повествовательное пространство. Как отметил В. Н. Топоров: «Петербург – это “синтетический свертхтекст”» (1984, с. 31), принципиально отличающийся от Москвы и других городов. В традиции русской литературы образ Санкт-Петербурга несет в себе двойственность: разум и ничтожность, великолепие и разрушение, порядок и катастрофу. Это пространство предстает в произведениях различных авторов как символ с различными значениями. Пушкина можно считать одним из первых писателей, создавших миф о Санкт-Петербурге в литературе. В «Медном всаднике» он через трагическую судьбу Евгения раскрывает бинарность Петербурга как «созданного города». В творчестве Гоголя Санкт-Петербург предстает как город,

наполненный абсурдом, отчуждением и кризисом идентичности. В таких произведениях, как «Невский проспект», «Нос», «Шинель», он изображает Петербург как центр бюрократической системы, характеризующийся равнодушием и абсурдностью. В этом городе индивидуум поглощен системой статусов и социальных лестниц, а общественный порядок не только не защищает простых людей, но и становится источником их трагедий. Санкт-Петербург у Достоевского – это сцена духовного кризиса и моральной борьбы. В его романах, таких как «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», Петербург становится пространством, где индивидуальная душа и общественный порядок сталкиваются в жестоких противоречиях. Узкие комнаты, сырой воздух, мрак улиц – все эти пространственные образы создают удушающую атмосферу, где психическое состояние персонажей и внешний мир находятся в полном сопоставлении. Петербург в этом контексте является не только «окном в Европу» для России, но и «больным пространством», наполненным иллюзиями, моральным кризисом и дилеммами идентичности.

В этом традиционном контексте «петербургского текста» роман «Чагин» продолжает и трансформирует символическое значение Петербурга, превращая его в сложное пространство для хранения памяти, идентичности и символа государственной власти. В теоретическом контексте исследования городских символов, в частности в работах Ю. М. Лотмана, особое внимание уделяется «символической значимости» города. Лотман (1984а, с. 3) утверждает, что в истории Петербурга «символическое бытие» предшествует «материальному бытию», то есть «код» предшествует «тексту». Роман «Чагин» через переживания главного героя в Петербурге демонстрирует его место в гигантском историческом повествовании, а также показывает, как Советский Союз использует городское пространство для формирования памяти, контроля истории и, в конечном счете, определения судьбы личности. Лотман подчеркивает, что ключевая особенность петербургского текста заключается в его «эксцентрическом» характере, что означает, что этот город был спроектирован Петром Великим в соответствии с западноевропейскими идеями модернизации. Таким образом, Петербург символизирует процесс российской модернизации, а также скрытую трещину и нестабильность культурной идентичности (Лотман, 1996, с. 277-278). В романе Ленинград (ныне Санкт-Петербург) становится не только начальной точкой академической и профессиональной карьеры Чагина, но и символом его сложных отношений с государственным аппаратом. Пространственная структура города формирует его повседневные траектории и, на символическом уровне, отражает противоречия между личностью и системой, памятью и забвением, свободой и контролем в советский период.

Квартира Чагина расположена на Пушкинской улице, и само ее местоположение несет глубокое культурное символическое значение. Однако описание этого пространства в романе пронизано чувством удушья: «...сама комната тоже напоминала коробку – такая же маленькая и невыразительная» (Водолазкин, 2022, с. 10). Это высказывание не только отражает реальные условия проживания городских жителей в советский период, но и соответствует особенностям советской функционалистской архитектуры, которая подчеркивала практичность, лишенную индивидуальной декоративности. Физическое пространство города зачастую тесно связано с механизмами общественного контроля. В данном контексте «ящик» представляет собой не просто объективное описание ограниченности пространства, но и символизирует замкнутость общества и ограниченность личной свободы. Жилищная среда Чагина не только сковывает его тело, но и служит метафорой его пассивного статуса как носителя национальной памяти: его бытие столь же ограничено, как и пространство его квартиры, а его индивидуальное сознание подчинено дисциплине государственной системы памяти.

Помимо частного пространства, общественное пространство Петербурга также наделено яркой символикой в романе. Так, например, театр имени Кирова (ныне Мариинский театр) служит местом, где Чагин вместе с Вилой неоднократно посещают балет «Щелкунчик», а в тексте несколько раз подчеркивается, что «в Ленинграде всё – имени Кирова» (Водолазкин, 2022, с. 73). Это утверждение не только воспроизводит советскую историческую реальность, но и обладает глубокой политической символикой. Советский режим посредством системы именования общественных пространств крепко связывал личную память с официальным нарративом, усиливая легитимность государственной власти посредством героического культа и идеологического формирования. Театр имени Кирова является не только сценой для художественных представлений, но и символом контроля государства над культурным дискурсом. Просмотр балета в этом театре для Чагина, на первый взгляд, представляет собой погружение в культурную атмосферу, однако на деле он остается окруженным официальной идеологией, а его культурный опыт формируется не свободным выбором, а навязанными нормами государственной памяти.

В контраст с официальным культурным пространством театра имени Кирова, кафе «Сайгон» предстает как социальное пространство с более свободной окраской. Кафе «Сайгон» является неотъемлемой частью культурной жизни Ленинграда, занимая особое место в кругу советской интеллигенции XX века и превращаясь в арену столкновения искусства и идей. В романе именно здесь происходит встреча Чагина с вернувшимся из ссылки Верским; это пространство не только предоставляет возможности для общения, но и символизирует усилия советских интеллектуалов по поиску культурной свободы вне рамок официальной идеологии. Некоторые городские места могут стать «центрами генерации смысла», формируя уникальный культурный контекст в определенных исторических условиях, «лишь потому, что они являются плавильными печами для текстов и кодов, обладающих множеством структур и компонентов, принадлежащих различным языкам и уровням. Именно символическая полиязычность любого города принципиально превращает его в область множественных символов» (Лотман, 1984b, с. 3). Кафе «Сайгон» является именно таким пространством: оно не просто обычное заведение, а гетерогенное место, которое, несмотря на контроль советского режима, предоставляет возможность для свободного течения идей. Для Чагина атмосфера здесь резко контрастирует с ощущением государственного контроля, которое он испытывал в театре имени Кирова, что еще больше подчеркивает его перемещение между рамками системы и периферийной культурой.

Кроме того, природно-географические особенности Петербурга в романе наделены яркой метафорической значимостью. Реки Нева и Фонтанка составляют не только неотъемлемую часть городского пейзажа, но и выступают в роли символов судьбы Чагина. В традиции русской литературы реки часто олицетворяют течение времени и перемену судеб, однако в «Чагине» их текучесть резко контрастирует с проблемой застоя памяти героя. Искключительная способность Чагина к запоминанию не позволяет ему забыть прошлое, вследствие чего его жизнь оказывается застрявшей в бесконечном повторении истории. Личное сознание Чагина подобно замерзшей Неве: несмотря на то, что город и время неустанно движутся вперед, он остается связан собственными воспоминаниями и не может по-настоящему интегрироваться в реальность. Этот образ соответствует дуалистической теории Петербурга, предложенной Лотманом (1996, с. 277-278), согласно которой «символическое бытие» города предшествует его «материальному бытию» – то есть «код» предшествует «тексту». Иными словами, Лотман (1984b, с. 31-37) считает, что культурное пространство Петербурга обладает как «рационалистичностью», так и «искусственностью». Для Чагина Ленинград является не только источником знаний, но и тюрьмой памяти, из которой он не может вырваться, не может обрести истинное чувство собственного бытия.

Стоит отметить, что в начальной части романа похороны Чагина углубляют основную тему произведения на уровне пространственной символики. Торжественная церемония, проводимая во дворце князя Владимира, и противопоставленное ей погребение на кладбище Комарова создают напряжение между вечностью и забвением. Кладбище Комарова выступает не только как физическое пространство реальности, но и как храм культурной памяти, где покоятся многие выдающиеся деятели советской эпохи. Погребение Чагина здесь символизирует его роль носителя национальной памяти и намекает на окончательное растворение индивидуальной жизни в грандиозном историческом нарративе. Его смерть не только знаменует завершение личной судьбы, но и отражает выбор системы национальной памяти в отношении ценности индивидуального существования – когда память утрачивает свою утилитарную значимость, личность безжалостно отбрасывается историей.

В общей сложности Санкт-Петербург в романе «Чагин» предстает не просто как фон повествования, а как «записанный город», чья пространственная структура оказывает глубокое влияние на судьбу героя и отражает сложные отношения между личностью и государственным аппаратом в советскую эпоху. Через изображение таких пространственных объектов, как квартира, театр, кафе, реки и кладбище, роман демонстрирует груз памяти, историческую дисциплину и отчуждение индивида. Эти пространства не только наделяют текст богатой символической значимостью, но и позволяют «Чагину» занять новую позицию в традиции городского письма русской литературы.

II. Москва: Пространство власти и ритуализированная память

«Будучи открытой системой знаков, “московский текст” русской литературы, основанный на своем “претексте”, постоянно утверждается и совершенствуется посредством укрепления семиотического кода, постепенно формируя текстовый механизм, который, хотя и характеризуется “разрыхленной структурой”, тем не менее является самобытным и существует в динамичном, взаимодополняющем и сопоставимом отношении с “петербургским текстом”» (傅星寰 [Фу Синхуань], 2018, с. 72). В русской литературе XIX века Москва нередко изображалась как символ русского духа и традиций; в отличие от вестернизированного Петербурга, она несет в себе наследие православия, национальной культуры и исторической памяти. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» описывает Москву как «сердце России» (1949, с. 482), подчеркивая ее уникальный национальный характер, а Лев Толстой в «Войне и мире» еще больше закрепляет центральное символическое значение Москвы, представляя ее не только как центр русского дворянского общества, но и как символ национального духа. В отличие от Толстого, Булгаков в «Мастере и Маргарите» создает образ советской Москвы, пропитанной магией и борьбой за власть: здесь город, находящийся под идеологическим контролем, становится ареной, на которой сверхреальные силы (Воланд и его демоны) вмешиваются в порядок действительности. В литературе социалистического реализма Москва зачастую идеализируется как пространство, соответствующее советской идеологии: например, в «Как закалялась сталь» она символизирует утопию в глазах революционеров, будучи не только эмблемой советской власти, но и конечным ориентиром идеальных верований. Таким образом, образ Москвы трансформируется от символа национальной культуры к ядру идеологического пространства, переставая быть «сердцем России» – «Третьим Римом», а становясь центральным узлом всей советской системы.

В романе «Чагин» символическая функция Москвы как центра государственной власти сохраняется. В отличие от Петербурга, являющегося носителем культуры и памяти, Москва акцентирует внимание на формировании официального нарратива и ритуализированном историческом письме. Как отметил Лотман (2002, с. 209), Москва является типичным «центричным городом»; в семиотическом контексте такое состояние концентрации часто ассоциируется с образом города, расположенного на вершине горы, где город выступает посредником между землей и небом, объединяя мифы о происхождении и трансформации, имея явное начало, но без конца, и воспринимается как «вечный город». В «Чагине», независимо от того, какие воспоминания о Москве испытывает главный герой в детских поездках или какие ощущения он приобретает во время кратковременной остановки на Красной площади, Москва неизменно предстает как пространство государственной идеологии с «горной» властью, которое посредством ритуализированных общественных мест глубоко дисциплинирует и перестраивает восприятие и память индивида.

В детстве Чагин отправился в путешествие по Москве вместе со своей матерью, и этот опыт оставил особый отпечаток в его системе памяти. В Парке Горького он с матерью сел на карусель и «его воображение почему-то поражает то, как свободный полет сочетается в карусели с полной зависимостью от цепи» (Водолаз-

кин, 2022, с. 17). Этот образ обладает яркой символической значимостью: он не только служит метафорой функционирования московского пространства, но и обобщает противоречие между свободой и контролем, характерное для индивидов в условиях советского строя. Как отмечает французский ученый Анри Лефевр, «пространство является политическим и идеологическим» явлением (亨利·列斐伏尔, 2015, с. 37). Общественные пространства советского периода часто подвергались двойной символизации: с одной стороны, они представлены публике как развлекательные и открытые места, а с другой – посредством структурных и порядковых механизмов усиливается идеологический контроль. Механизм движения карусели создает иллюзию свободы, однако действия индивидов неизменно ограничены фиксированными траекториями, что можно рассматривать как уменьшенное отражение контроля в советском обществе. Будучи носителем памяти, Чагин демонстрирует глубокое созвучие между своей когнитивной моделью и структурой московского пространства: он с поразительной способностью запоминает реальность, но не способен изменить свою судьбу; его существование по своей сути соответствует логике этого городского пространства. Кроме того, Москва в романе играет роль международного культурного портала. В главе, посвященной советским студентам, направляющимся в Англию, Москва выступает в качестве обязательной промежуточной точки на пути к западному миру. Чагин и его товарищи вылетают из Москвы в Лондон (Водолазкин, 2022, с. 124), что подчеркивает, что Москва не только является центром внутренней власти, но и служит связующим звеном между Советским Союзом и внешним миром. Однако этот переход не представляет собой подлинного культурного слияния, а скорее является символическим ритуалом, согласно которому все, кто отправляется за границу, должны пройти через этот центр и получить его «одобрение», прежде чем вступить в иное культурное пространство. Такая схема функционирования пространства укрепляет статус Москвы как центра государственного нарратива, заставляя все межкультурные опыты сначала проходить через фильтр государственной идеологии.

Москва как символическое пространство государственной власти вновь подчеркивается при транзите Чагина и его спутников на пути в Лондон через Москву. Во время кратковременной остановки на Красной площади рассказчик Николай Иванович обращается к Чагину со словами: «Это главная площадь страны, так запомните же ее такой, какая она есть, – с кремлевскими стенами, башнями и мавзолеем – всю до последнего камешка священной брусчатки» (Водолазкин, 2022, с. 125). Здесь выражение «камешек священной брусчатки» не только указывает на физическую структуру площади, но и символизирует авторитетность государственной идеологии. Государственная власть опирается на визуальное представление пространства, и Красная площадь с окружающими ее архитектурными ансамблями является ядром системы национальной памяти Советского Союза. Задача Чагина в этом эпизоде заключается в том, чтобы «запомнить» данное пространство, а не анализировать или ставить под сомнение его значение, что свидетельствует о том, что советская модель исторической памяти не поощряла индивидуальную инициативу, а посредством визуальных символов навязывала конкретный исторический нарратив как «единственную память». Особое значение имеет тот факт, что в данном эпизоде Чагин первоначально не обращает внимания на Кремль, а направляет свой взгляд на ГУМ (Водолазкин, 2022, с. 125). Эта деталь подчеркивает двойственную природу Москвы: она одновременно выступает как центр государственной власти и как пространство повседневной жизни. ГУМ, одно из самых известных коммерческих учреждений советского периода, олицетворяет противоречие между официальной идеологией и потребительской культурой. В советском контексте коммерческие пространства не освобождены от политического контроля, а, напротив, используются как символ экономических достижений государства, интегрированных в систему пропаганды. Первоначальное внимание Чагина, обращенное к этому коммерческому знаку, отражает его индивидуальное восприятие реального пространства, однако, по мере того как Николай Иванович напоминает ему о «правильном направлении», его взгляд переключается на Кремль. Такое поведение иллюстрирует, как государство посредством пространственных символов направляет восприятие индивида, заставляя его сосредоточиться на эмблемах власти, а не на мелочах повседневной жизни. Как отмечает Е. Е. Левкиевская: «Москва – “Китеж-град” незримо существует, растворенная в другом городе – “Втором Вавилоне”» (1997, с. 829).

От детских путешествий до кратковременных остановок во взрослом возрасте, Москва в памяти Чагина предстает не только как географическое пространство, но и как ядро функционирования государственной памяти. Карусель в Парке Горького намекает на парадокс свободы и контроля в советском обществе, тогда как каменные плиты Красной площади и башни Кремля усиливают визуальную символику государственной идеологии. Москва, являясь обязательной точкой международного обмена, дополнительно закрепляет свою роль в качестве «фильтра власти». Роман «Чагин» посредством этих пространственных знаков демонстрирует, как город формирует индивидуальные механизмы памяти и через ритуализированное представление пространства преобразует государственную историю в часть личного сознания. В отличие от Санкт-Петербурга, представленного как «записанный город», Москва скорее предстает как «наблюдаемый город», где посредством расположения зданий, знаковых объектов и структурного устройства пространства индивидуальное зрительное восприятие подчиняется государственному нарративу, а личная память в конечном итоге служит системе государственной памяти. Такая пространственная модель не только формирует познание Чагина, но и выявляет, как советская идеологическая система посредством пространства конструирует историю и посредством пространственной дисциплины подчиняет индивида, превращая его в составную часть системы национальной памяти.

III. Лондон: культурный Другой и идентичностное расщепление

В русской литературе Лондон не является частью «родного текста», как Москва или Санкт-Петербург, однако он неизменно выступает как важное пространство «иного», символизирующее западную цивилизацию,

индустриальную модернизацию, капиталистический социальный порядок и культурное столкновение между русскими и Европой. В конце XVIII века Лондон впервые появляется в творчестве русских писателей как символ современной европейской цивилизации. В «Письмах русского путешественника» Николая Карамзина Лондон представлен через два метафорических образа – городской театр и городские магазины, благодаря чему топоним «Лондон» перестает быть лишь обозначением географической реальности и превращается в конкретное художественное пространство, заложив основу для формирования городского текста в русской литературе (Прохорова, 2002, с. 72). Произведение Пушкина «Евгений Онегин» отражает влияние Лондона на материальные и духовные аспекты русской социальной жизни – от популярности лондонского изысканного жаркого в Петербурге до интереса героя Онегина к таким фигурам, как Адам Смит и Байрон. Как отмечал Лотман (1980, с. 374), британская набережная на Неве в 1810-1820-х годах была одним из любимейших мест для прогулок избалованной петербургской молодежи. В XX веке символическое значение Лондона в русской литературе получило дальнейшее развитие, особенно в литературе эмигрантов. Лондон стал не только реальным политическим убежищем, но и ареной взаимодействия российских интеллигентов с западной современностью. В середине XX века советские писатели часто изображали Лондон в контексте холодной войны, где основными темами становились шпионские интриги, двойные личности и идеологические конфликты. Таким образом, вне зависимости от того, рассматривается ли Лондон в русской путешественнической литературе XIX века, в политической прозе советских эмигрантов или в кросс-культурных нарративах постсоветского времени, его образ обладает не только конкретностью, но и богатой метафорической глубиной. Лондон – это не только западный мегаполис, которому стремился подражать Петр Великий, но и окно, через которое русские интеллектуалы XIX века наблюдали за Европой и размышляли о пути России; он также многократно возвращается в произведениях эмигрантов, шпионов, революционеров и писателей как город, находящийся на перекрестке реальности и воображения.

«Чагин» продолжает и преобразует данную традицию, превращая Лондон в символ культурного «Другого», расщепления идентичности и идеологических конфликтов. В рамках семиотической теории Лотмана (1997, с. 159) город рассматривается не просто как совокупность географических пространств, но как система культурного кодирования, где каждый город несет в себе специфическое символическое значение и посредством своей пространственной структуры формирует способы восприятия. Символическое значение Лондона в романе выходит далеко за рамки обычного образа иностранного города: он предстает как мир, существующий вне советского пространства, что создает резкий контраст с Ленинградом и делает Лондон ключевым полем для трансформации идентичности Чагина. Здесь Чагин выступает как наблюдатель и одновременно как участник: его бытие формируется пространством Лондона, а в процессе этого взаимодействия он испытывает разрыв и реконструкцию своей культурной идентичности.

В третьей главе романа, в ненадежном нарративе Николая Ивановича, эпизод прибытия Чагина в Лондон приобретает легендарный оттенок. Ему поручено выполнение операции «Биг-Бен», в рамках которой он, действуя в роли шпиона, проникает в Британский музей с целью похищения копии Синайского манускрипта, ранее проданного советским правительством Великобритании. Эта миссия иронична сама по себе: Чагин, являющийся носителем государственной памяти СССР, получает задание вернуть «наследие советской истории», однако его деятельность в Лондоне также свидетельствует о его плавании между различными культурными системами, границы которых не являются фиксированными, а динамично трансформируются при контакте с внешним миром. В романе Лондон предстает именно как «полигон» культурных границ, символизирующий западный мир и служащий зеркальным отражением советского нарратива. Шпионская миссия Чагина создает неустойчивое переходное состояние между советской идентичностью и западной средой, а его наблюдения и переживания в Лондоне лишь усугубляют это расщепление идентичности.

Одним из наиболее символически значимых эпизодов романа является то, что Чагину была поручена необычная задача, «а именно: сопоставлять виды города Лондона с аналогичными видами города Ленина» (Водолазкин, 2022, с. 141). Этот эпизод представляет собой не просто географическое наблюдение, но и включает символический анализ города как системы культурных знаков. Сопоставление Александровской колонны на Дворцовой площади и Нельсоновской колонны на Трафальгарской площади, рек Невы и Темзы, Смоленского кладбища и кладбища Банхилл Филдс Бернал Граунд, Британского музея и Ленинградской центральной библиотеки создает структуралистскую модель сопоставления. Сравнение различных культурных пространств зачастую выявляет их семиотические особенности, а именно то, как их история, модели власти и социальная идеология находят отражение в пространстве. В романе пространственная организация Лондона подчеркивает свободу и открытость, тогда как Ленинград демонстрирует черты порядка и контроля. Такое сопоставление не только указывает на противостояние этих городов в политической системе эпохи холодной войны, но и посредством символизма архитектурных объектов передает влияние различных социальных режимов на способы существования индивида.

В романе эта символическая разница усиливается посредством архитектурного стиля. Лондонские викторианские крыши описаны как сложные и обладающие «возможностью для побега» (Водолазкин, 2022, с. 155), что в определенной степени намекает на метафоричность английской архитектуры в контексте свободы и исследования; в то же время ленинградская архитектура, отличающаяся неоклассическим и барочным стилями, подчеркивает симметрию, торжественность и грандиозные масштабы, а в романе говорится о «тяжести» и «неподвижности» ленинградских построек, что символизирует сильный контроль советской политической системы над обществом и подавление личной свободы. Лотман в анализе петербургского текста

указывал, что этот город был возведен в определенный исторический момент для реализации искусственно созданного, символически значимого плана, разработанного монархом. Еще до своего основания Петербург обрел тяжелую символическую миссию, навязанную извне (Лотман, 1996, с. 284). Роман «Чагин» продолжает и углубляет эту символическую систему, в результате чего ленинградский архитектурный стиль находит отражение в стабильности советского строя, тогда как лондонское городское пространство воплощает иное культурное мышление – логику, подчеркивающую изменчивость, открытость и индивидуальную свободу.

Однако Лондон не является пространством абсолютной свободы: опыт Чагина здесь показывает, что он не смог полностью интегрироваться в западную культуру, а в новой системе вновь становится «объектом наблюдения». Сначала в Лондоне он вызывает огромное внимание, и западный мир проявляет глубокий интерес к его исключительной памяти: «...первые месяцы Исидора в Лондоне назову одним сплошным медовым месяцем. Со всех сторон к нему проявляли доброжелательное внимание» (Водолазкин, 2022, с. 139). Со временем это внимание постепенно превращается в пристальное наблюдение и эксплуатацию, и его память используется в политических целях, а от него требуют подробного воспроизведения своей биографии. Этот эпизод указывает на отношение западного мира к советским перебежчикам – их принимают не как личностей, а лишь как «поставщиков информации». Прием внешних культурных субъектов зачастую сопровождается определенной функциональной селекцией, и судьба Чагина свидетельствует о том, что, Лондон является символом западной свободы, его принятие для лиц с иной культурной идентичностью остается обусловленным утилитарными соображениями.

Пространственный опыт Чагина в Лондоне также отражает его кризис идентичности. «Как и положено, до места назначения Чагин добирался на даблдекере. Он любил эти поездки и, забравшись по ступенькам на второй этаж, нарезал, бывало, по Лондону круг за кругом» (Водолазкин, 2022, с. 147). Это поведение демонстрирует не только его физическое перемещение в городе, но и служит метафорой цикличности его идентичности: его тело перемещается, но самосознание не способно избавиться от советского отпечатка. Такая цикличность символизирует его культурное блуждание – он пытается найти новое пристанище, но в итоге остается связанным со своим прошлым. Подвижность тесно связана с устойчивостью идентичности: некоторые пространства (например, Красная площадь и Кремль) посредством фиксированных символических систем укрепляют идентичность, тогда как другие (например, транспортная система Лондона) своей подвижностью ослабляют ее фиксированность. Опыт Чагина свидетельствует о том, что свобода, присущая Лондону, не дарует ему новой идентичности, а скорее приводит к расщеплению личности в процессе культурной трансформации.

В совокупности, Лондон в «Чагине» предстает не просто как иностранное пространство, но как арена культурного столкновения, реконструкции идентичности и идеологической трансформации. От операции «Биг-Бен» шпионской миссии до сопоставления архитектурных стилей Лондона и Ленинграда, от исторической символики кладбища Банхилл Филдс Бериал Граунд до цикличности движения двухэтажного автобуса – роман посредством ряда пространственных метафор демонстрирует адаптацию и отчуждение советской интеллигенции в западном мире. Чагин выступает одновременно и как наблюдатель, и как объект наблюдения: он стремится вырваться из системы советской памяти, но в новой культурной системе становится новым «инструментом эксплуатации». В нарративной логике романа Лондон не является абсолютным символом свободы, а представляет собой многокодовое культурное пространство, а блуждание и замешательство Чагина – продукт борьбы между различными культурными системами.

IV. Периферийное пространство: культурные метафоры Иркутска, Ялты и Тотьмы

Иркутск, Ялта и Тотьма в романе «Чагин» выступают не только как географический фон повествования, но и как символические пространства, в которых воплощаются процессы изменения идентичности, функционирования памяти и культурные метафоры. В отличие от таких центров государственной власти и культуры, как Санкт-Петербург, Москва и Лондон, эти периферийные города представляют собой иной тип временного и пространственного опыта. Лотман отмечал: «Символ, проникая сквозь культурные слои, сохраняет свою неизменную сущность, действуя как нечто неоднородное относительно окружающего текстового пространства, как вестник иных культурных эпох (других культур), как памятник древней культурной основе» (2001, с. 241); городское пространство не только формирует индивидуальный опыт, но и участвует в конструировании культурной памяти. В романе «Чагин» эти пограничные города посредством многоуровневой нарративной структуры как демонстрируют трансформацию жизненного пути личности, так и отражают историко-культурные особенности советского общества на различных этапах.

Иркутск в романе предстает прежде всего как родина детства Чагина и носитель исторической памяти послевоенного советского общества. Воспоминания Чагина о детстве полны трудностей: «...вспоминает, какой невкусной была еда в детском саду», но «требовалось все доедать до конца» (Водолазкин, 2022, с. 16). Эти детали не только отражают условия выживания в эпоху материальной нехватки, но и формируют его дальнейшую установку на сохранение памяти – он не способен забыть ни одну мелочь, подобно тому, как люди того времени не могли допустить расточительства ни малейшего количества пищи. Старые штаны, сшитые для него бабушкой, стали предметом насмешек одноклассников, а он сам бережно хранит обертку от мороженого, купленного матерью во время поездки в Москву. Эти мелкие детали не только иллюстрируют экономические трудности советского общества, но и предвещают зарождение механизма памяти Чагина, характеризующегося крайней склонностью к сохранению деталей и неспособностью забыть что-либо. Однако символическое значение Иркутска выходит за рамки материальных лишений: этот город также является местом ссылки в русской истории, носителем коллективной памяти изгнанных властями. В XIX веке декабристов сослали в Сибирь, а в советский период Иркутск продолжал служить местом ссылки политических заключенных,

оставаясь на периферии национального нарратива. Семейная история Чагина тесно связана с этим контекстом: его отец был политическим заключенным, и он сам носит определенную маргинальность. Эта идентичность не выражается непосредственно через внешнее притеснение, а проявляется в тонких отношениях с государственной системой. Его использует государство, превращая в часть советской системы памяти, но его среда взросления всегда находилась вне центра власти, что формировало у него устойчивую дистанцию в отношении национальной идентичности. Периферийное пространство предоставляет «внешний взгляд», позволяющий индивидууму сохранять критическую дистанцию от центральной системы. Иркутск является именно таким пространством: он сформировал детский опыт Чагина и заложил основу его дальнейшего перемещения между идентичностями.

Если Иркутск является носителем исторической памяти, то Ялта символизирует кратковременную свободу и бегство от реальности. Этот прибрежный город, расположенный на Крымском полуострове, на протяжении долгого времени занимает важное место в русской литературе как пространство любви, размышлений и судьбоносных поворотов. От «Дамы с собачкой» Чехова до «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, Ялта часто выступает в роли «исключающего пространства», в котором индивидуум может освободиться от оков реальности и искать собственные чувства. В романе «Чагин» Ялта продолжает эту культурную символику, становясь отражением советской курортной культуры. Летом 1972 года Чагин вместе с другом Григоренко отдыхал в Ялте, и роман описывает сцену их беседы в закулисье театра: «Ялта, лето 1972-го. <...> чай от раза к разу становился всё крепче и горячее» (Водолазкин, 2022, с. 186). Здесь «насыщенность» указывает не только на вкус чая, но и символизирует напряженность и сложность межличностных отношений. В этот период брак Григоренко находился на грани распада, что в конечном итоге побудило его начать внебрачную связь с Мариной, а Чагин был вынужден помочь им скрыть эту связь. Ялта, как часть советской курортной культуры, символизирует не только восстановление физического здоровья, но и временное ослабление правил реальности. Некоторые пространства, благодаря своей исторической функции и культурной конструкции, способны формировать относительно автономные «смысловые блоки», в которых социальная идентичность и моральные ограничения индивида могут временно изменяться. Ялта является именно таким «промежуточным пространством», позволяющим индивидууму на короткое время освободиться от дисциплины повседневной жизни и погрузиться в более свободное, чувственное состояние. Однако эта свобода оказывается лишь временной: по окончании отпуска все возвращается к прежнему порядку. Для Чагина значение Ялты заключается не в полном изменении идентичности, а в том, что это одно из немногих мест, где он может временно перевести дух.

В отличие от кратковременной свободы Ялты, Тотьма, эта небольшая северная провинция, удаленная от шумных центров, воплощает то, что Михаил Бахтин описывал, говоря: «...такой город – это место круговой повседневной жизни... где время утратило свое движение вперед, а люди день за днем повторяют одни и те же обыденные действия» (Бахтин, 2009, с. 441-442). В Тотьме темп жизни замедляется, все знают друг друга, а рутинность повседневных дел и замкнутость пространства подчеркивают ее автономность. Это особенно проявляется через характер эксцентричной домовладелицы Варвары, которая неуклонно придерживается своих привычек и отвергает изменения внешнего мира, гармонично дополняя общую атмосферу Тотьмы. В такой обстановке Чагин постепенно утрачивает привязанность к государственной памяти, переключаясь на первобытные человеческие переживания.

В романе Тотьма становится не только убежищем для Чагина, но и символом его окончательной духовной принадлежности. Здесь он сталкивается с кажущимся абсурдным насилием – его грабят, и «со временем (откровенность за откровенность) Исидор стал читать Прохору отрывки из “Одиссея”» (Водолазкин, 2022, с. 262). Этот эпизод не только подчеркивает периферийность Тотьмы, но и открывает возможность для культурного возрождения. В этом пространстве Чагин перестает быть частью советской интеллектуальной системы, превращаясь в обычного сказочника: его знания утрачивают статус инструмента государственной власти и сохраняются как элемент культурной традиции, а его исключительная память возвращается к базовым формам человеческого повествования. Такой процесс символизирует полную маргинализацию его идентичности и предполагает переосмысление значения знания и памяти. В конечном итоге Чагин погибает на берегу реки Сухоны, что еще раз подчеркивает символическое значение Тотьмы как «места забвения». В течение всей жизни Чагин был пленником памяти – его разум хранил бесчисленные сведения, но он не мог решить, что следует запомнить, а что забыть. Однако в Тотьме его смерть означает окончательное освобождение от бремени памяти, его личная история перестает подчиняться государственной архивной системе и растворяется в безмолвном периферийном пространстве. Таким образом, периферийное пространство не только противопоставляется центру, но и способно стать новым смысловым центром, олицетворяя способ существования, превосходящий рамки государственной исторической нарративности. Здесь Чагин, наконец, освобождается от государственного контроля над памятью и вступает в состояние подлинной свободы, недоступное для исторического захвата.

Иркутск, Ялта и Тотьма в романе «Чагин» представляют собой три различных типа периферийного пространства, соответствующих исторической нагрузке, кратковременной свободе и окончательному забвению соответственно. Эти города влияют не только на индивидуальную судьбу Чагина, но и на более широком уровне отражают различные способы конструирования пространства, памяти и идентичности в советском обществе. Иркутск, являясь отправной точкой его детства, сформировал модель его памяти и наделил его взглядом, присущим изгнанникам; Ялта как символ курортной культуры предоставляет возможность кратковременного бегства от реальности, но не способна по-настоящему изменить положение индивида в реальном мире; а Тотьма, будучи финальной точкой бытия, означает не только полное растворение идентичности,

но и указывает на иной способ сохранения знаний и памяти. Роман посредством конструирования этих периферийных пространств углубляет размышления об истории, о культуре и судьбе личности, позволяя пространственному нарративу «Чагина» выйти за рамки простой географической описательности и превратиться в глубокое осмысление структуры советской культурной системы.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Роман «Чагин» посредством изображения пространств различных городов конструирует многомерную систему символов, которая не только хранит историческую память, но и формирует индивидуальную идентичность. Санкт-Петербург как «записанный город» не только продолжает традицию петербургского текста в русской литературе, но и становится физическим и символическим полем государственной памяти, усиливая напряжение между дисциплиной власти и повествованием личной судьбы. Москва, в свою очередь, как символ государственной власти посредством пространственного устройства и ритуализированных практик выступает центром исторического нарратива, глубоко внедряя идеологию государства в повседневный опыт личности. Лондон же, являясь проявлением культурного «Другого», демонстрирует исследование гетерогенного пространства вне советской системы и служит ареной для расщепления идентичности и переосмысления памяти, где Чагин переживает деконструкцию и последующую реконструкцию собственной памяти. Периферийные пространства, такие как Иркутск, Ялта и Тотьма, несут в себе разрыв и трансформацию памяти, становясь символами детских впечатлений, кратковременной свободы и окончательного забвения, и предоставляют альтернативную модель существования между индивидуальной памятью и государственной властью.

Эти города выступают не только как площадки повествования, но и как комплексная система символов, в которой переплетаются история, власть, культура и личный опыт. Пространственная конструкция романа «Чагин» не только продолжает глубокое исследование городских символов в русской литературе, но и в контексте советской истории приобретает новое культурное содержание. Анализ различных городских пространств показывает, как пространство становится сосудом памяти, механизмом функционирования власти и медиатором формирования идентичности. В конечном итоге жизнь Чагина представляет собой не только историю о том, как память записывается и контролируется, но и метафору того, как пространство глубоко влияет на судьбу личности и формирует исторический нарратив. В этих «записанных пространствах» история не только сохраняется, но и реконструируется, а жизненный путь индивида находит вечный отклик в символическом тексте города.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении взаимосвязей между городским пространством, культурной памятью и процессами формирования индивидуальной идентичности в произведениях русской литературы. В частности, необходимо провести сравнительный анализ символики городов различных эпох и жанров с применением семиотического подхода, что позволит выявить как устойчивые, так и изменяющиеся элементы культурного нарратива. Кроме того, перспективным представляется разработка методологических основ семиотического анализа городского пространства как динамичного носителя смыслов, что обогатит наше понимание механизмов влияния исторических и социокультурных процессов на формирование литературного текста.

Источники | References

1. Бараханова Н. В. К семиотике «городского текста» в русской литературе // Казанская наука. 2021. № 6.
2. Левкиевская Е. Е. Москва в зеркале современных православных легенд // Лотмановский сборник. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 1997. Вып. 2.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
4. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. Текст как семиотическая проблема. СПб.: Искусство – СПб, 2002.
5. Лотман Ю. М. От редакции // Труды по знаковым системам. 1984а. Вып. 18.
6. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л.: Просвещение, 1980.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2001.
8. Лотман Ю. М. Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам. 1984b. Вып. 18.
9. Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом // Знамя. 1997. № 9.
10. Прохорова Л. С. Образ Лондона в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Коммуникативные аспекты языка и культуры. 2002. Вып. 2.
11. Соловьев А. В. Город как текст: семиотика городской среды // Слово. Словесность. Словесник: материалы Международной научно-практической конференции преподавателей и студентов, посвященной Году педагога и наставника и Году русского языка как языка межнационального общения СНГ / Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. Рязань, 2023.
12. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Труды по знаковым системам. 1984. Вып. 18.

13. 亨利·列斐伏尔. 空间与政治 / 李春译. 第二版. 上海, 2015 (Лефевр А. Пространство и политика / пер. Ли Чун. Изд-е 2-е. Шанхай, 2015).
14. 傅星寰. 俄罗斯文学“莫斯科文本”的代码系统研究 // 俄罗斯文艺. 2018. № 2 (Фу Синхуань. Исследование кодовой системы «московского текста» в русской литературе // Русская литература. 2018. № 2).
15. 巴赫金. 巴赫金全集 / 白春仁、晓河译. 石家庄, 2009. 第三卷 (Бахтин. Полное собрание Бахтина: в 7 т. / пер. Бай Чунжэнь, Сяо Хэ. Шицзячжуан, 2009. Т. III).

Информация об авторах | Author information



Ван Чуньхуэй¹

¹ Пекинский университет иностранных языков, Китайская Народная Республика



Chunhui Wang¹

¹ Beijing Foreign Studies University, The People's Republic of China

¹ 202420302005@bfsu.edu.cn

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.03.2025; опубликовано online (published online): 15.05.2025.

Ключевые слова (keywords): Е. Водолазкин; роман «Чагин»; городская символика; историческая память; индивидуальная идентичность; E. Vodolazkin; novel "Chagin"; urban symbolism; historical memory; individual identity.